

ОНТОЛИНГВИСТИКА

В. Б. Касевич

СОСЦИОР. КОРПУС. ЩЕРБА. ОНТОЛИНГВИСТИКА

В настоящее время теория детской речи превращается в самостоятельную дисциплину — онтолингвистику. В статье анализируются проблемы, возникающие в связи с данным переходом. Проблемы включают, в числе прочих, понимание оппозиции «язык / речь». Меняется также понимание (естественного) корпуса.

Ключевые слова: язык, речь, онтолингвистика, корпус, психология.

V. Kasevich

SAUSSURE. CORPUS. SHCHERBA. ONTOLINGUISTICS

The theory of child language referred to as ontolinguistics is currently growing into a new discipline in its own right. This paper analyses challenges encountered due to the transition. i. e. the fundamental opposition of language and speech, among other issues. A new definition of natural corpus is offered.

Keywords: language, speech, ontolinguistics, corpus, psychology.

Название новой дисциплины — онтолингвистика — на наших глазах вытесняет «старую» номинацию «изучение детской речи»; казалось бы, это не так уж существенно, главное — содержательное наполнение, а не термин. В действительности, однако, обретя статус (новой) науки, дисциплина начинает жить своей жизнью и своей логикой, которая предполагает, как известно, относительно автономные объект, теорию, методы. Собственная номинация обязывает, и со временем у новой дисциплины появляются содержательные и внешние атрибуты, присущие таксону соответствующей классификации.

Любопытно, что «выгодоприобретателем» при филиации наук выступают не только формирующиеся научные направления, но и те дисциплины, от которых «отпочковались» старые. Эти последние после авто-

номизации части областей обычно делают свой аппарат более стройным, в большей степени отвечающим объекту исследования.

Обратимся к нашему материалу — сравнению релевантных черт онтолингвистики и исследования детской речи. А. М. Шахнарович определяет область исследования детской речи как изучение «речи детей дошкольного и младшего школьного (до 8–9 лет) возраста» [4, с. 131]. При всей «феноменологической адекватности» определения оно звучит несколько механистически. Аутсайдер, пожалуй, подумает, что эта область лингвистики носит более или менее факультативный характер. Например, такой специфический материал, как тексты военной документации, несомненно, существует, но требуется особая мотивация для включения означенных текстов в сферу лингвистических штудий [5]. Иное дело

онтолингвистика. Можно с полным основанием утверждать, что **без привлечения онтолингвистики сколько-нибудь полное описание языка и речевой деятельности невозможно** (см. также ниже).

Сказанное выше предполагает также, что при конституировании новой науки, особенно междисциплинарной, полезно обращаться время от времени к понятийному аппарату дисциплин-«доноров», концептуальное взаимодействие которых привело к принципиальному расширению научной сферы. С этой точки зрения мы хотели бы обратиться к таким фундаментальным категориям лингвистики, как язык и речь (а также родственным им): перенося эти категории в область онтолингвистики, должны ли мы каким-то образом их перетолковывать; если да, то в каком именно направлении; если нет, то как они будут «выглядеть» в новом контексте?

Сразу же следует оговорить: сформулированная выше задача осложняется тем, что уже в «материнском» контексте указанные понятия/термины трудно счесть вполне терминологическими — они не проходят теста на однозначность, без чего подлинного научного термина быть не может. Отвлекаясь от переводных эквивалентов, мы должны признать, что уже в рамках французского языка, который дал нам в работах Ф. де Соссюра соответствующие лексические единицы, нет стройной терминосистемы, основанной на терминах «язык» (*langue*), «речь» (*parole*), «речевая деятельность» (*langage*). Кажется, все согласны, что Соссюр открыл оппозицию «язык ~ речь». Но теряется третья составляющая, передаваемая термином *langage*. И дело не в том, что, как может показаться, тернарное соотношение не подлежит описанию в рамках бинарной структуры язык/речь. Запрета на тернарные оппозиции не существует. Оппозиция может быть *n*-арной — должно лишь выполняться требование, согласно которому каждый член оппозиции выступает как отрицание

остальных — «индивидуально» или в составе подклассов (подсистем). При этом обычно есть несколько способов структурирования одного и того же набора единиц.

Обратимся к структурным единицам иного уровня, где, однако, действительна та же логика. Для подсистемы шумных согласных современных индоарийских языков характерна оппозиция типа $p \sim ph \sim b$. Этот набор, используя разные способы структурирования, можно представить как следующие микросистемы оппозиций: I. $p \sim ph \sim b$; II. $((p \sim b) \sim ph)$; III. $(p \sim ph) \sim b$.

При знакомстве с текстом курса, изданного учениками Соссюра, возникает впечатление, что, логически, в основе теории Соссюра — вариант, обозначенный выше как III. Об этом говорит и схема, которую мы находим в «Курсе общего языкознания» и которая представляет собой объединение в рамках единой системы базовых категорий лингвистики: языка, речи и речевой деятельности [3, с. 131].

Согласно схеме, речевая деятельность (*langage*) объединяет в себе язык (*langue*) и речь (*parole*). Что смущает — это разнородность названных категорий. Язык и речь поддаются истолкованию в терминах «социальное vs. индивидуальное», «абстрактное vs. конкретное» и т. п. (подробнее см. ниже); то же, что у Соссюра именуется речевой деятельностью (*langage*), выглядит скорее как некий остаток, не нашедший себе места в системе. Это впечатление подкрепляется принципиально разными способами перевода термина *langage* на другие языки, равно как и совершенно разными моделями распределения внутритекстовой синонимии. Можно добавить, что утвердившийся русский перевод термина «*langage*» как «речевая деятельность» выглядит достаточно неудачным, поскольку именно семантики **деятельности** в соответствующих контекстах обычно нет, ср. *langage fleuri* «цветистая речь». Наконец, как уже сказано выше, во всех учебниках общего языкознания утверждается (спра-

ведливо), что Соссюр открыл оппозицию языка и речи, но вряд ли многие авторы говорят, что Соссюр открыл оппозицию ‘язык ~ речь ~ речевая деятельность’.

Задаваясь вопросом о сущности соссюровской категории *langage* ‘речевая деятельность’, нельзя не вспомнить о термине «речевая деятельность», как он предстает в классической работе Л. В. Щербы «О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании» (1931) [5]. Во-первых, у Щербы термин «речевая деятельность» в отличие от его соссюровского аналога (пусть речь идет о переводных эквивалентах) даже не требует особого толкования, естественно вырастая из коллокации общелитературного языка. Во-вторых, термин «речевая деятельность» предполагает семантическое развитие, вызывая к жизни чрезвычайно плодотворное «терминогнездо»: «речевая деятельность» предполагает систему речевых действий (во всяком случае, такова стандартная схема у деятельностиных направлений психологии); в свою очередь, это очень хорошо вписывается в понимание, восходящее к Вильгельму фон Гумбольдту; кроме того, естественная дифференциация речевых действий с необходимостью приводит к понятиям «восприятие речи» и «порождение речи» — а это не что иное, как указание на основную функцию языка (коммуникативную) в другой «терминологической упаковке».

Таким образом, то, что у Ф. де Соссюра — плохо интерпретируемая и даже лишняя деталь (*langage*), у Л. В. Щербы оказывается мощным средством развития теории.

Однако и в представлениях Л. В. Щербы базовые лингвистические категории не выглядят безупречными. Здесь опять-таки особые сложности кроются в понятии *langage*, но только не в его русифицированном, переводном варианте ‘речевая деятельность’, а в оригинале — насколько это возможно на фоне канонического текста «Курса» Соссюра.

Кажется, последователи и исследователи Щербы не обращали внимания на то, что

Щерба оставляет без определения исходное понятие: «языковые явления»; хотя в соответствующем перечне он прямо обозначает данные явления «первым аспектом» (и добавляет, в виде уточнения, что это «процессы говорения и понимания»). И тем не менее вопрос остается: что такое «языковые явления»? Явления, относящиеся к языку? Но не совершаем ли мы при такой трактовке логический круг?

На самом деле, логика не исключает любое определение, внешне содержащее порочный круг. Не являются порочными круги, которые можно назвать «естественными». Таков, прежде всего, круг, возникающий в силу обмена ролями в рамках коммуникативного акта, когда адресант передает на какой-то срок свои функции адресату. Существуют и собственно логические круги; некоторые из них были выделены А. Пуанкаре под названием «непредикативных». Не вдаваясь в существо проблемы, приведем пример корректного непредикативного определения: «Двойка есть такое число, которое, будучи сложено само с собой, дает свой точный квадрат» (цит. по: [2, с. 334]). Наконец, безусловно законны все круги, возникающие в рекурсивных процессах, — от *у пона была собака* до циклических графов и подграфов в теории графов.

Подытоживая, можно сказать, что в случае с «языковыми явлениями» мы **сознательно** оставляем без дефиниции данное понятие, чтобы затем, активно используя соответствующую категорию, уточнить общую структуру основ языкознания.

Современная лингвистика дает нам возможность выполнить эту задачу. В частности, мы имеем здесь в виду понятие *корпуса*, получившее в последнее время широчайшее распространение.

С обращения к корпусу начинается любое конкретное исследование. Обычно считается, что корпус создается лингвистом, чтобы затем (особенно если это аннотированный корпус, тем более — со снятой

омонимией) обнаружить и/или подтвердить те или иные отношения в пространстве текста, а отсюда и языка.

Но ведь возможен, более того, реален и «стихийный» корпус. Когда усваивающий язык ребенок во многом опирается на высказывания окружающих, он тоже имеет дело с корпусом, только «необработанным»; приходится добавить, что коль скоро такой «необработанный» корпус успешно выполняет свои задачи, коль скоро это делается в сжатые сроки, то «необработанный» корпус должен обладать какими-то неизвестными нам преимуществами по сравнению с «обработанным» (или преимущества принадлежат и ребенку как «аналитику» текста, и корпусу).

Вот эти «явления», по Л. В. Щербе, и составляют исходный материал для развертывания системы базовых категорий лингвистики. Именно такая трактовка «языковых явлений» подкрепляется их альтернативной номинацией в системе Щербы: Л. В. Щерба в соответствующих контекстах говорит также о «языковом материале». О «языковом материале» — в том смысле, что на базе материала, содержащегося в корпусе, ребенок конструирует «свою собственную» языковую систему, «присваивает», как говорят, функциональный и структурный аналог общезначимого идиома, фактически один из его экземпляров.

До сих пор мы не уделяли специального внимания функциональным и структурным аспектам рассматриваемых (под)систем. Некоторые из них самоочевидны: понятно, что подсистема восприятия речи предполагает переход от текста к его интерпретации в терминах предустановленного словаря. Сложнее обстоит дело с описанием процесса порождения речи. Областью отправления для восприятия речи выступает текст, который далеко не сводится к звучанию, но все же дает ориентиры для выбора той или иной семантизации. Однако что выступает областью отправления для порождения речи? Напомним, что порождение

речи — это переход от смысла к тексту. Иначе говоря, смысловые структуры предполагаются заданными. Естественен вопрос: из какого набора? Из какого семантического резервуара отбираются те семантические структуры, которые в рамках строящегося коммуникативного акта подлежат перекодированию в текст с его структурами?

Ответ с неизбежностью акцентирует три момента. Первый внешне максимально прост: смыслы, как, впрочем, и вся языковая система, суть не что иное, как результат деятельности ребенка, усваивающего язык. Есть понятная последовательность действий: пока ребенок, опираясь на врожденные процедуры, строение и законы функционирования которых нам неизвестны, а также руководствуясь доступными текстами, не «построит» свою систему, черпать говорящему (пытающемуся говорить) смыслы будет неоткуда. Второй момент — принципиально неустранимый (см. выше) «круг» в описании: усваивающий язык ребенок с помощью некоторых концентрических процедур расширяет систему, что, в свою очередь, с каждым таким витком делает ее (систему) все более и более эффективной. Наконец, третий момент процесса связан с тем, как мы понимаем тот предел, к которому стремится расширяющаяся семантика системы. Этот предел может определяться количественно и индуктивно: когда закрывается то «окно», в рамках которого осуществляются онтолингвистические процедуры; но может определяться и дедуктивно, когда зрелость системы достаточна, чтобы адекватно решать заданное множество содержательных задач.

Л. В. Щерба, по-видимому, ощущает незаконченность своих построений, поэтому снова и снова задает вопрос: «Что же такое сама языковая система?» В зависимости от контекста обсуждения ответы даются разные. Многократно повторяется в связи с поставленным вопросом формулировка «психофизиологическая речевая организация индивида». Это понятно в том смысле,

что человек, в отличие от животного, обладает даром речи, и этот дар более или менее един у всех людей. Однако определение сопровождается оговоркой: эта «система языковых представлений, хотя и общих, с которой обыкновенно отождествляют языковую систему, уже по самому определению своему является чем-то индивидуальным» [5, с. 26]. Иными словами, языковая система одновременно носит общий (социальный) и индивидуальный характер — и это тоже внешнее противоречие, которое неустранимо.

Важнее, на наш взгляд, что и психофизиологические, и социальные параметры принадлежат в равной мере популяции и индивиду.

Возвращаясь (вслед за Л. В. Щербой) к вопросу, откуда черпаются смыслы при порождении речи, мы еще раз подчеркиваем: в словаре, в том числе семантическом, есть только то, что «вложил» в него носитель языка во время овладения этим языком. Небольшой пример, к которому нам уже доводилось обращаться [1]. Полемика относительно наличия/отсутствия в системе русского языка фонемы /ы/ для части носителей снимается очень просто: если в словаре данного идиома нет слов, содержащих указанную фонему (пресловутое *Ыденну* и проч.), то в их фонологической системе нет соответствующей гласной*.

Оставляем в стороне вариант решения проблемы «откуда берутся смыслы», предполагающий предсуществование смыслов, равно как и вариант, наиболее естественный для прикладной лингвистики, когда смыслы для порождения речи суть произвольные искусственные объекты, они вводятся в соответствующий процесс, чтобы их адекватность/неадекватность «проверялась в деле».

Завершим эти краткие заметки дополненными и несколько модифицированными вопросами, родственными тем, что были сформулированы в начале статьи. На сей раз это соотношение онтолингвистики и психологии. Зададим вопрос так: какие

проблемы в наибольшей степени продолжают ощущаться, давать о себе знать, когда имеет место гибридизация научных сфер? Переформулируя, поставим вопрос несколько иначе: насколько обедненной будет онтолингвистика, если мы в максимально возможной степени лишим ее психологических аспектов? (Известно ведь, что первостатейные авторитеты в фонологии, включая Н. С. Трубецкого, Л. В. Щербу, с энтузиазмом приветствовали предложенное А. Ф. Яковлевым «очищение» фонемы от психологизма, психологического подхода.) Ответ, как мы думаем, ясен: онтолингвистика без активной эксплуатации психологического знания, без экспериментальной методики, разработанной психологами и адаптированной онтолингвистами, объективно **существовать не может**.

Конкретное соотношение лингвистических и психологических мотивов в онтолингвистическом поле — предмет дальнейшего скрупулезного анализа. Приведем пример. Неотъемлемым компонентом любого языка выступает словарь. «Детский» вопрос: где хранится словарь? При любом содержательном ответе, вероятно, мы скажем «в памяти». Поскольку память — категория, вне всяких сомнений, не лингвистическая, а психологическая, то получаем: важнейшие положения, объекты лингвистики мы не можем эксплицировать, не прибегая к понятиям психологическим, здесь — памяти.

По-видимому, в онтолингвистике адаптированный (превращенный) компонент психологии больше, чем в лингвистике как таковой. Будет ли здесь какая-то эволюция — предсказать едва ли возможно. Общая картина определяется тем, что на наших глазах происходит автономизация онтолингвистики по отношению и к лингвистике, и к психологии. Поскольку этот процесс еще не завершился, вполне возможно перестраивание его внутренней структуры в пользу тех или иных субкомпонентов; но общий вектор развития сомнений не вызывает.

ПРИМЕЧАНИЕ

* Не обсуждаем природу и типичность ситуации асимметричности восприятия и порождения речи в онтогенезе, когда владение усваиваемой единицей выступает как исключительно пассивное: например, ребенок достаточно уверенно различает те или иные фонемы, но не в состоянии ими «пользоваться» при порождении речи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Касевич В. Б. Фонологические проблемы общего и восточного языкознания. М.: Наука, 1983. 295 с.
2. Кондаков Н. И. Логический словарь. М.: Наука, 1971. 656 с.
3. Соссюр. Ф. де. Курс общего языкознания // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. 695 с.
4. Шахнарович А. М. Детская речь // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 131–132.
5. Щерба Л. В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. С. 24–38.
6. Холодович А. А. Синтаксис японского военного языка: язык военной документации. М.: Издательское товарищество иностранных рабочих в СССР, 1937. 247 с.

REFERENCES

1. Kasevich V. B. Fonologicheskie problemy obshchego i vostochnogo yazykoznanija. M.: Nauka, 1983. 295 s.
2. Kondakov N. I. Logicheskij slovar. M.: Nauka, 1971. 656 s.
3. Saussure F. Kurs obshchego yazykoznanija // Saussure F. Trudy po yazykoznaniju. M.: Progress, 1977. 695 s.
4. Shahnarovich A. M. Detskaya rech // Lingvisticheskij ehnciklopedicheskij slovar. M.: Sovetskaya ehnciklopediya, 1990. S. 131–132.
5. Shcherba L. V. O troyakom aspekte yazykovyh yavlenij i ob ehksperimente v yazykoznanii // Shcherba L. V. Yazykovaya sistema i rechevaya deyatelnost. L.: Nauka, 1974. S. 24–38.
6. Holodovich A. A. Sintaksis yaponskogo voennogo yazyka: yazyk voennoj dokumentacii. M.: Izdatel'skoe tovarishchestvo inostrannyh rabochih v SSSR, 1937. 247 s.

С. Н. Цейтлин

ОНТОЛИНГВИСТИКА В ПУТИ

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 18-012-00650
«Семантические категории в грамматическом строе русского языка»

В статье речь идет о современной онтолингвистике — науке, исследующей освоение языка ребенком. Рассмотрены основные положения этой науки в ее отечественном варианте, а также вопросы, которые еще ждут своего разрешения. Рассказывается о деятельности Санкт-Петербургской научной школы онтолингвистики.

Ключевые слова: онтолингвистика, речевой онтогенез, функционально-конструктивный подход, индивидуальная языковая система человека, процедурные языковые правила.